

И. Шайтанов

Роман о будущем, ставшем настоящим

Свой роман Замятин назвал словом, ставшим лозунгом, призванным объединить униженных и оскорбленных, сделать их политической силой, строящей новый мир. Слово стало символом сознания массы. Тогда многие литературные группы претендовали говорить от имени масс. Замятин сделал нечто другое: он показал реальную суть утопии, якобы осуществляемой от имени большинства и ради его блага. В категоричности «мы» звучит запрет на «я». Если древний род представлял собой коллективную личность, то современная масса («мы») — коллективную безличность, агрессивную, подавляющую.

К такому выводу Замятина привел не только опыт революции, но и опыт патриархальной, крестьянской России, о которой написаны его ранние повести. В романе «Мы» как бы проверяется состоятельность мечты, на протяжении веков сопутствовавшей человеческой цивилизации и теперь проросшей реальностью. Воплощение в жизнь теории, обещавшей светлое будущее, обогнало самую мрачную фантастику. Замятин одним из первых в мировой литературе предсказал неминуемое превращение утопии — при попытке ее осуществления — в антиутопию.

«Мы» — роман о будущем. О далеком будущем — через тысячу лет. Человек еще полностью не восторжествовал над природой, но отгородился от нее — стеной, за которую запрещено выходить. По иронии, она называется Зеленой Стеной. Это единственная зелень, оставшаяся в городе. Веточку ландышей можно достать только в Ботаническом Музее. Да и зачем она? Весной «из-за Зеленой Стены, с диких невидимых равнин, ветер несет желтую медовую пыль каких-то цветов. От этой сладкой пыли сохнут губы... Это несколько мешает логически мыслить».

Что касается природы в самом себе, то человек сделал уже очень много для ее искоренения. Например, перешел на пищу, получаемую из нефти. При этом, правда, выжили всего «0,2 населения земного шара», но это были лучшие, сильнейшие, прошедшие неестественный отбор. Они построили Великое Единое Государство. Жизнь в нем подчинена Часовой Скрижали, предписывающей, когда всем — одновременно — спать, когда вставать, когда работать, когда заниматься любовью. Для того чтобы управлять Государством «есть искусная, тяжкая рука Благодетеля» — так именуется верховный правитель. Для того чтобы следить за соблюдением повседневного регламента, «есть опытный глаз Хранителей...». Быть счастливым — долг каждого.

В 1921 почти все это — догадки, предвидение. Хотя кое-что уже начало осуществляться, и свои хранители в лице Всероссийской Чрезвычайной комиссии (ВЧК) блюдают коммунистический порядок с 1917 года.

Предваряя первое издание романа в России — в 1988, Владимир Лакшин, критик, известный умением прочитывать в литературе тайно произнесенное слово политической правды, отметил многое из того, что было предсказано Замятиным — и сбылось. Вплоть до трагического голода на Украине — в романе победа над голодом достигается путем голодной смерти большинства. Или вплоть до «Интеграла», который представляет собой «что-то вроде “Шатла”», правда, с наивными подробностями, напоминающими допотопный пароход: «командная рубка», «малый ход», «два кормовых».

Наивность научной фантазии в данном случае, наверное, происходит не от того, что воображение Замятина не простиралось далее того, что ему, как инженеру, было хорошо известно. Он не придумал никаких поражающих технических совершенств, ибо и не собирался их придумывать. Столь пронизательный, способный к прозрениям в том, что касалось устройства государства и характера отношений в нем, Замятин будто бы сознательно не дает воли своей инженерной фантазии. Даже говоря, как выглядит

город будущего, он нередко почти точно повторяет описания классических утопий: города-коммуны (по Томасу Морю), города солнца (по Томмазо Кампанелле) или алюминиевого рая из сна Веры Павловны в романе Н. Чернышевского «Что делать?». Замятин намеренно повторяет в деталях описанные в литературе коммунистические утопии. Как бы подчеркивая, что он производит проверку всей суммы утопических идей, накопившихся в европейской мысли на протяжении многих веков.

Замятин понимал, что можно построить небывалое космическое аэро (слово той эпохи), но нельзя на нем прилететь к счастью. От себя не улетишь. Прогресс знания — это еще не прогресс человечества, а будущее будет таким, каким мы его сегодня готовим

Быт идеальный, очищенный, прибранный — необходимое условие существования в Едином Государстве. Однако вместе с идеальной чистотой и порядком в людские жилища явился и надзор за частной жизнью граждан. Стеклозатраченные жилища просматриваются насквозь. Шторы в окнах могут быть задернуты лишь на то время, когда жильцам разрешено заниматься любовью. Приходящий с этой целью (будь то мужчина или женщина) пропускается в здание по предъявлении розового билетика.

Не только люди, но и краски, цвета в этом Государстве лишены былой свободы. Так, розовый — всегда был символом материнства и детства — и вот именно в розовый цвет окрашены билетика, выдаваемые на розовую любовь. Голубой — цвет неба, и именно в голубые комбинезоны одеты люди-номера Единого Государства, а их номерные бляхи сияют золотом...

Как будто все равны и все счастливы. И прежде всего герой, от имени которого ведется повествование, Д-503 — строитель «Интеграла». Он ведет дневник (весь текст романа — дневниковые записи героя) и пишет, с тем чтобы с помощью математических методов доказать мудрость тех принципов, на которых основано Единое Государство. Он начинает восторженно, повторяя истины, вбитые в каждую голову:

«Ведь ясно: вся человеческая история, сколько мы ее знаем, это история перехода от кочевых форм ко все более оседлым. Разве не следует отсюда, что наиболее оседлая форма жизни (наша) есть вместе с тем и наиболее совершенная (наша). Если люди металась по земле из конца в конец, так это только во времена доисторические, когда были нации, войны, торговли, открытия разных америк. Но зачем, кому это теперь нужно?»

Однако внезапно вспыхнувшая любовь приводит его к бунту. Именно любовь, а не просто влечение, регламентируемое законом сексуальных отношений («Lex sexualis»), согласно которому «всякий из номеров имеет право — как на сексуальный продукт — на любой номер».

Замятин намеренно пишет «номер», а не «номер», как бы подчеркивая нерусское происхождение этого слова. Он был чрезвычайно внимателен к звучанию слова, к каждому отдельному звуку, угадывая в нем смысловые возможности. Ю. Анненков вспоминает, что на одной из лекций, прочитанной Замятиным, как раз во время работы над романом, писатель рассуждал на тему: о чем говорят звуки?

«...Д и Т — о чем-то душном, тяжком, о тумане, о тьме, о затхлом... С А — связывается широта, даль, океан, море, размах. С О — высокое, глубокое, море, лоно. С И — близкое, низкое, стискивающее и т. д.»

Произвольное толкование? Кто-то другой услышит другое. Однако интересно, как слышит их именно Замятин, тем более что некоторые из этих звуков избраны им в качестве имен для персонажей романа.

Первая спутница героя — О-90. Здесь графическая округлость, повторенная и в букве, и в номере, создает ощущение женственности. Во всяком случае, эта законопослушная героиня, не слишком умная («скорость языка» у нее всегда превышает «скорость мысли»), тоже нарушит установление «Lex sexualis», возмечтав о ребенке. В Едином Государстве право на материнство и отцовство давалось только «номерам» с определенными физическими данными. О-90 к ним не относится, и ее мечта — своеобразный бунт подавляемой в человеке природы.

Имя другой героини — I-330. Первое впечатление: «тонкая, резкая, упрямо-гибкая, как хлыст...». Как хлыст, и графическое начертание буквы в ее имени — латинское I, которое одновременно читается и как цифра 1, — знак личности, индивидуальности в мире, где властвует «мы». Встреча с ней разбудила в герое нечто совершенно непозволительное и потому для него страшное — в нем проснулась душа.

Единое Государство вот-вот окончательно победит природу: Вселенную — с помощью «Интеграла», человеческое в человеке — путем операции, удаляющей Фантазию. Те, кто противится ей, готовят бунт. Среди бунтовщиков — и люди, облеченные властью, кто-то из Хранителей. С ними связана I-330. Отсюда ее таинственность, ее властность и дозволенность ей того, что запрещено для других. Знакомство I-330 с героем — задание: она должна встретиться со строителем «Интеграла» и вовлечь его в заговор, чтобы он помог захватить свое изобретение. I-330 выполняет поручение, пробуждая в Д-503 его «трудную» любовь. Но любит ли она? Вот почему появление I-330 Ю. Тынянов прокомментировал так: «В утопию влился „роман" — с ревностью, истерикой и героиней». Д-503 мучительно ревнует любимую и к Хранителю — S, и к поэту — R. А ревность — чувство недозволенное в Едином Государстве. Да и сам герой раньше считал его присущим только дикарям, которые когда-то давным-давно жили на этой территории.

Тем горше прозвучит для героя правда, что услышит он ее на допросе из уст Благодетеля, который требовал назвать имена бунтовщиков: «Им вы нужны были только как Строитель „Интеграла"...». Но тогда Д-503 еще не выдал никого, не смог переступить через только что обретенную душу. Все окажется простым и ясным чуть позже — после произведенной над ним операции по удалению Фантазии. Тогда он перечислит всех, тогда увидит смерть той, которую любил, тогда сможет вновь насладиться неминуемой победой и всеобщим счастьем: «Я уверен — мы победим. Потому что разум должен победить».

Трагической иронией звучит в финале романа это обещание победы и счастья.